

Леонид Люкс

Треугольник Германия-Польша-Россия и восточное измерение европейской идеи*

В 1973 году один из влиятельнейших публицистов польского зарубежья Юлиуш Мерошевский размышлял о будущей польской восточной политике и писал, что пока Россия остается империей, у Польши нет шанса вернуть свою независимость. В то же время Мерошевский предостерегал своих соотечественников от того, чтобы использовать возможную слабость России в момент неизбежного распада советской империи для осуществления своих собственных имперских грез на Востоке. По его словам, Польша должна окончательно смириться с потерей Львова и Вильнюса и всеми силами способствовать стремлению народов региона к независимости. Что в 1973 удивляло Мерошевского, так это тот факт, что тогдашняя мировая держава СССР видела в полностью зависимом от нее польском вассале потенциальную имперскую державу и конкурента за гегемонию в Восточной Европе. Тот факт, что российское руководство восприняло польскую поддержку Оранжевой революции в Украине в декабре 2004 как беспрецедентный вызов, что недавно введенный российский национальный праздник напоминает об изгнании польских войск из Москвы в 1612 году, показывает, насколько дальновидным был анализ Мерошевского.

Польша в самом деле рассматривается Москвой как соперник, притом даже в еще большей степени, чем Германия – сильнейшая страна ЕС. Это не в последнюю очередь связано с обстоятельствами, в которых прошло объединение Германии. Несмотря на то, что горбачевская эйфория в Германии в последнее время утихла, для политики Берлина в отношении России все еще характерна благодарность за тогдашнюю готовность Москвы отдать хранившийся в Кремле ключ к объединению Германии. Однако это не означает, как боятся в Варшаве и надеются в Москве, что возобновление российско-германского альянса по образцу Рапалло сейчас актуально. Во времена Рапалло германское руководство действовало по типичному для националистских эпох принципу – защита национальных интересов не должна подчиняться каким-либо вышестоящим ценностям. Цель – а целью был пересмотр положений Версальского договора – оправдывала средства, т.е. союз с большевистской диктатурой.

Однако после разрушительных последствий Второй мировой войны подобный образ мышления, по крайней мере, в западной части континента, едва ли возмо-

* Расширенная версия статьи, которая впервые была опубликована в журнале *The European* (30.1.2013).

жен. Здесь пришло осознание того, что обоготворение национального государства и национальных интересов, типичное для 19-го века, ведет к катастрофе. Это осознание легло в основу европейского интеграционного процесса и было причиной популярности европейской идеи. Во время горбачевской перестройки европейская идея обладала и в России чрезвычайно притягательной силой. И было бы неправильно отмахнуться от этой европейской тоски части российской элиты как от «романтической мечтательности», как это зачастую происходит, так как эта установка имела весьма конкретные политические последствия. Мирные революции 1989 года, преодоление немецкого и европейского раскола были бы немыслимы без стремления российских реформаторов к «возвращению в Европу» и без отказа команды Горбачева от брежневской доктрины, стоявшей в резком противоречии с идеей «общего европейского дома».

После распада Советского Союза российские «европейцы», однако, очень скоро потеряли инициативу в политическом дискурсе. Вскоре после победы демократов один из ближайших сторонников Бориса Ельцина Е. Кожокин заявил: «Придя к власти, западники должны перестать быть западниками. Западником можно быть только в оппозиции». Многие демократы, выступавшие еще до августа 1991 года за «возвращение России в Европу» заговорили об «особом пути России» и об абсолютном приоритете национальных интересов. И это не в последнюю очередь из-за того, что принятие России в «общий европейский дом» не стояло на повестке дня. Страна была лишь частично интегрирована в экономические и политические структуры континента. В то время, как Запад стоит на пороге постнациональной эпохи, Россия как бы возвращается назад в 19-ый век и предоставляет национальным интересам абсолютный приоритет.

Одновременно с этим нельзя, однако, забывать, что в данное время Россия, как и многие другие бывшие советские республики, практически впервые в своей истории формируется как секуляризованное национальное государство. А процессы nation-building, как правило, связаны с усилением национальных эмоций. Отсюда и практически безоговорочная идентификация современного московского руководства с «русской национальной идеей». Эти этно-центрические установки путинское правительство связывает, однако, с подчеркиванием европейского характера российского государства. Но при этом оно упускает из виду, что сегодня понятие Европа неотъемлемо ассоциируется со сдерживанием национального *sacro egoismo*.

И еще один аспект недооценивается командой Путина: их патриархальный образ действий едва ли сочетается со стремлением современного человека к самоопределению и самовыражению. В конце 80-х – начале 90-х годов эти освободительные идеи до неузнаваемости изменили Россию и решающим образом содействовали краху казалось бы непобедимого коммунистического Левиафана. Несмотря на их последующую дискредитацию, эти идеи отнюдь не исчезли из общественного сознания. Доказательством этого служат начавшиеся в декабре 2011 года протесты против массивных манипуляций на выборах в Госдуму. Таким об-

разом, новый демократический подъем и продолжение несколько лет назад прерванного процесса «возвращения в Европу» являются в России все еще возможными. Этому путинская команда панически боится. Не в последнюю очередь поэтому она пытается полностью изгнать оппозиционные демократические группировки с политической арены. Удастся ли ей это? Вопрос этот пока остается открытым.

Авторизованный перевод с немецкого Антонины Зыковой